

and Sleek” (Белита-Витэкс), “Glow Touch” (Белита-Витэкс), а также шелковые румяна “Silk Dream” (Luxvisage), создающих тактильные и визуальные образы одновременно.

Вторым по значимости приемом выступает эпитет, который акцентирует ключевые свойства продукта [3]. В мировой практике примером служат “Pure Skin” (Nivea), где эпитет “pure” создает образ абсолютной чистоты. В белорусской косметике эпитет также широко представлен. Компания «Белита-Витэкс» выпускает несколько линеек, где ключевым словом становится *pure*: профессиональная серия “Pure System” для проблемной кожи, линейка “Pure Philosophy Niacinamide” на основе ниацинамида и серия натуральной косметики “Pure Green”, а также кремы для рук “Pure System”. Во всех случаях эпитет работает на формирование образа чистоты, здоровья и натуральности. Бренд Luxvisage активно использует эпитеты для создания премиального образа: “Luminous Cream”, “Regenerating Serum”, “Velvet Skin”, “Divine Mask”.

Гипербола используется для усиления восприятия и создания впечатления исключительности продукта. Мировые бренды предлагают такие примеры, как “Miracle Elixir” (Lancôme) и “Ultimate Renewal” (Estée Lauder), где лексика подчеркивает уникальность и революционность средств. Белорусские производители также прибегают к гиперболе: в названиях “Hydra Bomb” (Белита-Витэкс) и “7 Seconds Wonder” (Белита-Витэкс) слова “bomb” и “wonder” работают на создание образа интенсивного и мгновенного действия [4]. У бренда Luxvisage гипербола реализована в названии средства для губ “Miracle Care” (Luxvisage), где слово “miracle” призвано подчеркнуть исключительные свойства продукта.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что стилистические особенности нейминга косметической продукции в мировой и белорусской практике демонстрируют общие тенденции при наличии национальной специфики реализации. Доминирующими приемами выступают метафора, эпитет и гипербола. Совокупное применение этих стилистических ресурсов позволяет осуществить трансформацию утилитарного объекта в символический артефакт, потребление которого предполагает не просто решение конкретной косметической проблемы, но и приобщение к системе ценностей, связанных с красотой, успехом и принадлежностью к определенному статусному кругу. Белорусские бренды (Белита-Витэкс, Luxvisage) успешно адаптируют глобальные стилистические стратегии, создавая эмоционально насыщенные названия, которые работают как инструмент формирования связи с потребителем.

1 Синявская, О. Е. Коммерческая номинация как средство манипулятивного воздействия на потребителя / О. Е. Синявская // Науч. вестн. Херсонск. ун-та. Серия: Лингвистика. – 2013. – Вып. 18. – С. 276–282.

2 Фрэнкель, А. Нейминг: как игра слов становится бизнесом / А. Фрэнкель. – М.: Добрая книга, 2006. – 320 с.

3 Новичихина, М.Е. Коммерческое название, рекламный текст, бренд, товарный знак, номен: разграничение понятий / М.Е. Новичихина // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2004. – № 1. – С. 165–170.

4 Nacchia, F. A joint linguistic-marketing analysis of brand and product names: the case of Unilever / F. Nacchia, V. Massaro // Lingue e Linguaggi. – 2017. – P. 169–186.

СРЕДСТВА ДИАЛОГИЗАЦИИ В ОБВИНИТЕЛЬНЫХ РЕЧАХ Н.В. МУРАВЬЁВА

Ерофеева Л.А.,

студентка 2 курса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов, Российская Федерация

Научный руководитель – Авдевина О.Ю., доктор филол. наук, доцент

Работа посвящена изучению стилистических средств, использующихся в речах судебных ораторов. Ее *актуальность* заключается, во-первых, в том, что любые выразительные средства в судебном красноречии служат не для украшения речи, а для воздействия на судебную аудиторию, так как судебное красноречие основывается на принципах убеждения, и, во-вторых, в том, что, как показывает практика, современные государственные обвинители в большей степени строят свою речь только на пересказе фактов и их правовой оценке, не стараясь другими способами привлечь публику на свою сторону. С одной стороны, это объясняется тем предписанием к обвинению, которое дано

в ч. 5 ст.246 УПК: «Государственный обвинитель представляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения /.../, высказывает суду предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания» [7]. Но, с другой стороны, закон не запрещает субъективных оценок в судебном выступлении обвинителя, тем более что в задачи обвинения входит не только доказательство вины подсудимого, но и воспитательное воздействие на подсудимого, формирование общественного мнения и правовое просвещение: «Произнося обвинительную речь, прокурор добивается не только изобличения и осуждения преступника, но и осуждения самого преступления. Речь государственного обвинителя является орудием мобилизации общественного мнения. Она произносится и для суда, и для всех присутствующих в зале» [2, с. 186 – 187].

Такому подходу к обвинению учит и традиция судебного выступления, сложившаяся в выступлениях судебных ораторов XIX – нач. XX вв. Хотя и тогда правовые требования к обвинительной речи были такие же: «Прокурор в обвинительной речи излагает существенные обстоятельства обвинения в том виде, в каком они представляются по судебному следствию, и заключение свое о свойстве и степени вины подсудимого» [8], судебные ораторы умели воздействовать на суд, присяжных и публику, используя все богатство выразительных средств русского языка, в том числе средства диалогизации.

Целью исследования является анализ данных средств и их функций в речах действительного тайного советника (1901 г.), министра юстиции и генерал-прокурора (1894 – 1905 гг.) Николая Валерьяновича Муравьева [4].

Материал и методы. Материалом послужили такие его речи, как обвинение по делу «1 марта» об убийстве императора Александра II, произнесённое в зале сената Зимнего Дворца Санкт-Петербурга 28.04.1881 г. [5], два его выступления в Московском окружном суде: по делу «О клубе червонных валетов» (февраль-март 1877 г.) [3] и по делу генерала Гартунга о хищении имущества московского купца В.К. Занфтлебена (октябрь 1870 г.) [6].

В нашем исследовании средств диалогизации использованы *методы лингвоправового и стилистического анализа* текстов судебных речей.

Результаты и их обсуждение. Под *средствами диалогизации*, вслед за другими исследователями, мы понимаем те приемы речи, которые служат установлению контакта оратора с аудиторией и создают эффект участия слушателей в диалоге с оратором [1, с. 752]. Такие средства часто применялись судебными ораторами XIX века, они позволяли превратить монологическую речь во внутренний диалог с судом и присяжными заседателями [1]. К основным из них относятся обращения, разговор о себе, средства выражения субъективного «я», вопросно-ответное построение рассуждения, вводные слова со значением отношения говорящего к тому, что он говорит, цитирование мнения оппонентов и многие другие приемы, позволяющие обвинителю создать иллюзию диалога со слушателем.

В речах Н.В. Муравьева отмечаем, прежде всего, такое средство диалогизации, как обращение. Чаще всего он обращается к присяжным; например, в речах по делу «1 марта» и делу «О клубе червонных валетов» он неоднократно делает это в те моменты своего рассуждения, на которые хочет обратить особое внимание присяжных, установить с ними эмоциональный контакт, напомнить им об их роли в суде и склонить их к своему мнению: «В эту минуту вы прежде всего судьи», «Господа присяжные заседатели! Быть может, ваше внимание уже утомлено, но...» и т.п. [5; 6].

Еще одним действенным средством диалогизации является речь о себе, адресованное слушателям выражение своих личных, субъективных переживаний, размышлений или сомнений по поводу преступления: «Я считаю нелишним заметить, что в отношении объема *ваша и моя* дорога совершенно совпадают», «Я имею к вам ещё одно предварительное заявление; я решился пригласить вас уверенно и смело идти за мною по тому пути, который я буду иметь честь проложить перед вами», «...в котором я бы хотел совершить этот труд» [5]; «Забудьте о его генеральских погонах», «Таким же порядком, такими же правилами, такими мыслями постараюсь и я руководствоваться» [6]. Такие высказывания носят характер исповеди перед публикой, стремления передать свои переживания слушателям и вовлечь их в совместный поиск истины. Обвинитель заостряет внимание на трудности

разбираемого дела, важности его правовой и нравственной оценки и на своем искреннем желании добиться правды и справедливости, и этим он придает вес своим доказательствам, формирует доверие и к себе, и к тому, что он говорит.

Наравне с обращениями и личной точкой зрения в речах Н. В. Муравьева частотным является и такое средство диалогизации, как вопросно-ответное рассуждение. Так, в речи по делу «О клубе червонных валетов» он спрашивает: «Могла ли она решиться на этот шаг по собственной инициативе?» – и приводит те качества личности подсудимой и обстоятельства, которые могли бы склонить ее к убийству, сам возражает на это и подводит к мысли о том, что «руку Башкировой направляла другая рука – рука сильная, опытная» [6]. Такой прием позволяет оратору обратить внимание аудитории на разные версии ответа на вопрос, подвести слушателей к нужному выводу-ответу и четко его сформулировать, при этом создав иллюзию участия аудитории в поиске ответа.

В обвинительной речи по делу «1 марта» он использует прием риторического вопроса – не от себя, а от лица всего общества: «Россия опомнилась и пришла в себя, её естественною первою мыслью было: «кто же виновники страшного дела...где же цареубийцы, опозорившие свою родную страну?» – и, указывая на обвиняемых, сам отвечает на свой вопрос: «Вот они...» [5]. Категоричный ответ, использование оценочной лексики, интонация вопроса и восклицания помогают ему заострить эмоциональную, политическую и нравственную оценку данного дела и преступления обвиняемых.

Заключение. Анализ обвинительных речей Н.В. Муравьева показывает, что его судебные речи изобилуют средствами диалогизации и другими формами речевой экспрессии, и уже поэтому они признаны образцом ораторского мастерства. Именно благодаря сочетанию различных приемов воздействия на аудиторию, он достигал высокой степени убедительности, а его речи вошли в классику обвинения и судебного ораторского искусства.

1 Красноперова, Е.В. Средства диалогизации монологической речи в политической сфере / Е.В. Красноперова // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология», 2023. – №4. – С. 751 – 755. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-dialogizatsii-monologicheskoy-rechi-v-politicheskoy-sfere> (дата обращения: 06.03.2026).

2 Мельников, И.И. Судебная речь. Для участников прений по уголовным делам / И.И. Мельников. – М.: ООО «Издательство ПравоБук», 2017. – 528 с.

3 Обвинительная речь товарища прокурора Н.В. Муравьева по делу о «клубе червонных валетов» // Studfiles. URL: Дело о «клубе червонных валетов» Заседание Московского окружного суда с участием присяжных заседателей, 8 февраля–5 марта 1877 г. (дата обращения: 19.10.2025)

4 Панов, М.И. Министр юстиции, генерал-прокурор Российской империи Н.В. Муравьев – в служении закону / М.И. Панов // Вестник Московского университета. – Сер. 21, 2025. – С. 19–36.

5 Процесс по «Делу 1 марта». Речь прокурора Н.В. Муравьева. Хронос. – URL: <http://www.hgono.ru/dokum/1800dok/188103rprocuror.php> (дата обращения: 19.10.2025)

6 Речи прокуроров Российской империи / под общей редакцией В. В. Лаврова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. – 263 с.

7 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : [в ред. от 27 окт. 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52, ч. 1. – Ст. 1.

8 Устав уголовного судопроизводства // СПС Гарант. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 19.10.2025).

МЕТАФОРА «УБИЙСТВА» В ПЕСНЕ «FLORENCE» МЮЗИКЛА «NOTRE-DAME DE PARIS»: ОТ АРХИТЕКТУРЫ К ЛИТЕРАТУРЕ И ОТ ЧЕЛОВЕКА К БОГУ

Ефимова М.А.,

*студентка 2 курса ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»,
г. Псков, Российская Федерация*

Научный руководитель – Богемова О.В., канд. филол. наук, доцент

Мюзикл «Notre-Dame de Paris» (1998), созданный на основе либретто Люка Пламандона, давно признан явлением музыкальной и поэтической культуры [2]. Многие исследователи чаще всего сосредоточены на любовных линиях и ариях главных героев. Но ключевая идея романа Виктора Гюго – смена исторических эпох и мировоззрений – наиболее ярко выражена в песне «Florence» [1]. Пламандон создает удивительный ряд метафор, иллюстрирующих переход от Средневековья к Возрождению через образы «убийства» одного явления другим.